

фирме он будет трудиться. Такая специализация связана с персонализацией обучения. Предприятие уже на стадии подготовки специалиста, будет следить за успехами студента. А студент должен знать уровень требований предприятия, уровень технологического обеспечения производственного процесса на конкретном предприятии, должен изучить уровень новых технологий в отрасли на передовых предприятиях и компаниях мира, возможности их использования на данном предприятии. Следовательно, можно констатировать, что на данном этапе развития национальной экономики встает вопрос о персонализации обучения, о возможности построения индивидуальной образовательной программы. Это позволит учесть не только запросы студентов, будущих специалистов, но и требования общественного производства, конкретных предприятий, фирм. Интеграция образования и практической деятельности может начинаться с обучения на производстве, начиная с познания специфики производственного процесса в условиях реальной практической деятельности.

Новый подход к формированию интеграционного взаимодействия образовательного процесса с общественным производством несомненно повысит качество подготовки высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства Российской Федерации и станет условием развития научно-технического прогресса.

РУССКИЙ РОМАНТИЗМ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ «ОПТИКА» ИССЛЕДОВАНИЯ

Липич В.В. (НИУ «БелГУ» г. Белгород, Россия)

Ответить на вопрос: что же такое романтизм пытались и писатели, и читатели, и критики как самой романтической эпохи, так и многие исследователи последующих поколений. Неослабеваемый изыскательский интерес гуманитарной науки последних лет к различным теоретическим, методологическим, поэтологическим вопросам романтизма развенчивает иллюзию их исчерпывающей завершенности, сущностной ясности и дает веские основания считать, что эта историко-литературная, философская, эстетическая, культурологическая проблема до сих пор не утрачивает своей научной востребованности и не выходит из дискуссионного пространства научной полемики.

Выходящие отдельными изданиями специальные монографические работы, посвящены различным аспектам изучения романтизма. Отрадно отметить и происходящую в последние годы значительную активизи-

защиту интереса современных зарубежных славистов к творческому наследию русских романтиков. Отрадно отметить тот факт, что в последние годы резко активизировался интерес современной зарубежной русистики к насущным проблемам классической русской литературы, к ее масштабным историко-теоретическим вопросам, к творчеству отдельных русских поэтов и прозаиков. Более того, столь повышенное внимание к глубинным вопросам русской литературы дает основание говорить о формировании целенаправленно сосредоточенного и постепенно укрепляющего свои позиции исследовательского направления евроамериканской славистики. Наглядным примером такого интереса могут служить изданные на Западе вдумчивые исследования, затрагивающие сферу изучения как общих теоретико-методологических, культурно-исторических аспектов русского и европейского романтического движения, так и работы, содержащие тонкий анализ творчества отдельных русских художников слова (Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева).

Необходимо подчеркнуть, что в последнее время исследователи всё чаще становятся единодушны во мнении, что любые стремления загнать романтизм в «прокрустово ложе» некогда выработанных логических схем и моделей выхолащивает и обедняет сам творческий процесс, а уж тем более, когда речь заходит о такой антиномии, как романтизм. Поэтому полифония исследовательских суждений, дискуссионность отдельных положений и разногласия в трактовках и интерпретациях неизбежны. При этом нельзя забывать и того обстоятельства, что существующие точки зрения на романтизм принадлежат ученым различных эпох, стран и научных школ. Любая же терминологически строгая фиксация тех или иных явлений и процессов обладает определенной долей условности, и вряд ли, думается, возможно достичь всеобщего исследовательского единодушия в использовании такого «гипотетичного» понятия, как романтизм исключительно в единственном только смысле. Таким образом, необходимо признать, что возможность исчерпывающей характеристики романтизма, которая бы примирила всех и вся, и не вызвала бы споров, маловероятна. Ряд авторов (В. Маркович, В. Коровин, А. Смирнов, В. Сахаров и др.) вполне сознательно, с исследовательской деликатностью стремятся избегать каких бы то ни было окончательно закрепленных формул романтизма, потому как любая «итоговая» характеристика этого феномена заведомо обречена на полемику и способна спровоцировать очередную жаркую полемику. Причины профессиональных разногласий глубоки и неоднозначны. Не стремясь раздувать жар бесконечной полемики, К. Григорьян авторитетно отмечает, что «как бы мы ни стре-

мились к возможно полной и точной формулировке романтизма, наше определение всегда будет неполным и неточным, поскольку оно базируется на общих, типологических признаках. При этом однозначно выпадут, останутся вне исследовательского поля зрения признаки частные (временные, национальные, индивидуальные), но не менее важные и существенные» [1], т. е. наша, казалось бы, досконально выверенная формулировка в любом случае окажется беднее реального явления, а терминологическое понятие «определение» как искомый результат научных усилий приобретет обратный смысл: обнаружит не конечный предел, а откроет новую беспредельность и перспективу дальнейших напряженных поисков.

«Подобные «неувязки», – справедливо констатирует О.Б. Вайнштейн, – не только обозначают пределы действительности наших концепций романтизма, но и побуждают к поискам конкретных, исторически сбалансированных толкований отдельных «странных» фактов и далее – к формированию спокойного, непредвзятого видения эстетического процесса» [2]. Примечательно, что еще в эпоху бурного расцвета романтизма в середине 1820-х гг. А.С. Пушкин, уже создавший к тому времени немало романтических произведений, сообщал в письме к своему другу П. Вяземскому следующее: «Я заметил, что все (даже ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме» [3]. Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на очевидные и бесспорные успехи современной филологической науки в самых различных изыскательских аспектах, нынешнее состояние «старой» проблемы, прямо скажем, изменилось мало – та же «туманность», тот же «разброд и шатание». Безусловно, романтизм по своему содержанию и форме является полиморфным, исторически многомерным понятием: это и тип культурного сознания, и парадигма эстетического мышления писателя, это и творческий метод как способ создания текстовых реалий, это и литературное направление. Каждое из этих структурных слагаемых верно как относительно устоявшаяся и научно апробированная литературоведческая частность, но ни одно них, взятое автономно, каким бы важным и существенным оно ни было, в то же время не может досконально и всеобъемлюще охарактеризовать романтизм.

Анализируя историю отечественного литературоведения прошлого века, в нем легко можно обнаружить два существовавших подхода к изучению романтизма – исторический (А. Соколов, Б. Реизов) и типологический (Л. Тимофеев, А. Гаджиев). Нужно признать, что оба этих подхода в равной степени востребованы и необходимы. Каждый из них по-своему помогает исследователям в решении различных вопросов истории, теории, поэтики романтизма. В 70-е – 80-е гг. XX в. к

этим двум исследовательским подходам добавился третий – гносеологический (Н Гуляев, И. Карташова). Однако исследователю, важно помнить о том, что в этой методологической палитре подспудно существует опасность оказаться во власти методологического «абсолютизма», если он с опрометчивым упрямством будет настаивать на тотальной универсальности того или иного подхода, используемого изолированно. В данном контексте, стремясь к предельной взвешенности высказываемых предложений, полагаю, что один из наиболее конструктивных исследовательских шагов на пути решения такой сложной задачи, а также в попытке частичного разрешения ряда существующих в науке «романтических» противоречий, должен находиться в формате методологической интеграции и сбалансированного сочетания трех научных подходов: исторического, типологического и гносеологического. Такая консолидированная методологическая «триада», неформально синтезирующая целый ряд отдельных рациональных идей, представляется нам конструктивной и научно продуктивной. Ее универсальность, в конечном итоге, подчинена одной цели – возможному преодолению методологической ограниченности распространенных и, к сожалению, инерционно устойчивых исследовательских практик, определенному разрешению еще далеко не проясненных положений и поспешных выводов, касающихся как общих теоретических вопросов изучения романтизма, так и частных, сугубо индивидуальных граней романтической философии, эстетики, поэтики, реально воплотившихся в творческих системах отдельных представителей романтической эпохи, и подчеркивающих «лица необщее выражение» каждого из художников слова, с поправками на персональную писательскую судьбу, масштабы творчества и таланта, национальную специфику.

Литература

1. Григорьян К.Н. К изучению романтизма // «Русская литература», 1967. – № 3. – С. 136-137.
2. Вайнштейн О.Б. Язык романтической мысли. – М., 1994. – С. 7.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.: Воскресенье, 1996. – Т. XIII. – С. 184.